

— Ши-и... — Янь Цзысинь от боли судорожно втянул воздух, тут же разжал пальцы, бросив недочищенного краба обратно в тарелку, и схватился левой рукой за большой палец правой.

Присмотревшись, стало ясно, что он поранился: на боковой стороне большого пальца красовался порез длиной сантиметров пять-шесть, из которого непрерывно сочилась кровь.

Янь Цзысинь вытер излишки крови о тыльную сторону ладони и бросил на Ло Чэньюня полный злобы взгляд.

Раздался грохот: от резкого удара вода в стакане всколыхнулась, и несколько брызг разлетелись по столу. Янь Цзысинь хлопнул ладонью по столешнице, собираясь встать и уйти.

В следующую секунду перед ним возникла бумажная салфетка. Ло Чэньюнь, улыбаясь, посмотрел на него:

— Вытрись.

— ...Черт, — Янь Цзысинь впился в него яростным взглядом, в котором плясали огоньки гнева.

Он резким движением, почти вырвав салфетку из рук, схватил ее, кое-как сложил вдвое и прижал к ране.

Слишком сильно надавил, в итоге сам же и пострадал.

Ши Чжао все еще здесь, нужно терпеть, нельзя срываться.

Прощу его на этот раз.

Именно так Янь Цзысинь пытался себя успокоить.

Ши Чжао, наблюдавший за этой сценой, которая со стороны выглядела как проявление взаимопонимания, слегка опустил уголки губ и сжал руки под столом.

— Цзысинь, ты злишься? — Ши Чжао, не желая сдаваться, задал вопрос своим привычным вкрадчивым тоном, надеясь получить от Янь Цзысиня желаемый ответ.

— Прощу прощения за этот спектакль, — ответил за него Ло Чэньюнь, причем сделал это с такой непринужденной близостью, что их отношения стали очевидны всем присутствующим. — Он всегда такой, характер как у ребенка. Дома я его совсем разбаловал.

— Да пошел ты... — Янь Цзысинь едва не подскочил со стула, но, встретившись взглядом с

обоими, особенно с тихим, внимательным взглядом Ши Чжао, сдержался. Он с трудом проглотил остаток фразы и, скрежетнув зубами, бросил: — Не буду я больше ничего чистить.

— Хорошо, не чисти, — легко согласился Ло Чэнъюнь.

Ши Чжао замер. Улыбка на лице Ло Чэнъюня не дрогнула, словно он праздновал победу.

Выражение лица Ши Чжао стало скованным.

Янь Цзысинь, раз за разом оказывавшийся в дураках, едва не взорвался от ярости, его уши буквально пылали.

За этим обедом только Ло Чэнъюнь чувствовал себя комфортно.

В процессе он не забывал подкладывать Янь Цзысиню еду, приговаривая с интонацией, которая была даже нежнее, чем когда они были в постели:

— Ешь больше этого, полезно для здоровья. Не смей привередничать, посмотри, какой ты сухой, у тебя даже в уголках рта воспаление началось.

Янь Цзысинь вспылел:

— Если у меня что-то и воспалилось, то только из-за тебя!

— А ты хочешь, чтобы из-за кого-то другого? — Ло Чэнъюню хватило одного взгляда, чтобы Янь Цзысинь не посмел возразить.

— Ешь, — Ло Чэнъюнь отложил палочки и с удовлетворением посмотрел на гору зеленой зелени в тарелке Янь Цзысиня.

Все то, что Янь Цзысинь терпеть не мог.

— Не выбрасывай, — добавил Ло Чэнъюнь, словно уговаривая ребенка.

Янь Цзысинь с чувством унижения взял палочки.

Наконец, когда обед закончился и они вежливо попрощались с первой любовью, первым делом, вернувшись в машину, Янь Цзысинь заблокировал двери. Он схватил Ло Чэнъюня за воротник и, придвинувшись вплотную, прошипел:

— Долго ты еще будешь устраивать этот цирк?

— Больше не можешь притворяться? — легкомысленно спросил Ло Чэньюнь.

— Хочешь меня проучить? Для этого у тебя силенок не хватит, — Янь Цзысинь смотрел на него с жестокостью, глаза его покраснели, выдавая, что терпение на исходе.

Ло Чэньюнь тихо вздохнул:

— Сколько раз тебе нужно получить, чтобы ты научился вести себя прилично?

Стоило Ло Чэньюню только поднять руку, как Янь Цзысинь тут же отпустил его, отпрянул назад и принял оборонительную позу.

Похоже, предыдущие уроки не прошли даром.

Ло Чэньюнь с усмешкой посмотрел на него, откинулся на пассажирском сиденье и, опустив голову, начал листать телефон.

В телефоне Ся Мэнцзина хранилось немало фотографий Янь Цзысиня, сделанных исподтишка, когда тот не видел. А вот совместных снимков не было ни одного: Янь Цзысинь вечно твердил, что не любит фотографироваться, хотя в соцсетях свои селфи обновлял постоянно.

После получасового противостояния Янь Цзысинь первым сдался и бессильно спросил:

— Говори, чего ты хочешь?

Ло Чэньюнь даже не поднял головы, продолжая скроллить ленту.

— Эй, я с тобой разговариваю! — Янь Цзысинь повысил голос, но, не решаясь дотронуться до него, пнул сиденье Ло Чэньюня, чтобы хоть немного выпустить пар.

Только тогда Ло Чэньюнь соизволил поднять взгляд. Он окинул его оценивающим взглядом с ног до головы и спросил:

— А что в тебе есть такого, что мне могло бы понадобиться?

Янь Цзысинь, явно оскорбленный таким пренебрежением, разозлился:

— Ты меня за ничто считаешь?

Ло Чэньюнь долго размышлял, затем внезапно протянул руку, взял Янь Цзысиня за подбородок и повертел его голову в разные стороны, словно осматривал товар. Наконец, с явным усилием произнес:

— Если только это лицо. Ничего так.

— Побудь со мной месяц, — сказал Ло Чэньюнь.

— Ха? — Янь Цзысинь опешил.

Он решил, что ослышался.

Обычно такие слова говорил он сам, когда же очередь дошла до него?

Ло Чэньюнь наклонился ближе, и в тесном салоне автомобиля стало как-то слишком душно:

— В течение этого месяца, если сможешь меня порадовать и я буду доволен, не то что почку — я тебе жизнь отдам.

Янь Цзысинь невольно отодвинулся, не смея встретиться с ним взглядом, и с трудом сглотнул.

Неизвестно, показалось ему или нет, но взгляд Ло Чэньюня был таким обжигающим, что ему стало не по себе.

С чего бы это робкому Ся Мэнцзину смотреть на него с такой агрессией? Он просто не знал, как на это реагировать.

— И всего-то? — храбрясь, бросил Янь Цзысинь.

— Правда? — переспросил Ло Чэньюнь.

Янь Цзысинь почувствовал, что его снова недооценивают:

— Не веришь мне?

— Что угодно сделаешь? — уточнил Ло Чэньюнь.

Янь Цзысинь фыркнул:

— Хм, что бы ты ни захотел, я все достану.

— А это? — Ло Чэньюнь увеличил изображение на экране телефона и поднес прямо к его лицу.

От яркого света Янь Цзысинь зажмурился, вглядываясь, и понял, что это пейзаж.

— Ты хочешь увидеть рассвет? Проще простого. Я знаю одно место, где, когда солнце встает, кажется, что до него можно дотянуться рукой.

— Я не хочу смотреть рассвет. В течение десяти дней я хочу увидеть у себя перед глазами точно такую же картину, — Ло Чэньюнь озвучил свою цель.

— Ты шутишь? — Янь Цзысинь был в шоке. — Как я это нарисую?

— Не можешь нарисовать — вышей. Мне все равно. Главное, чтобы это было сделано твоими руками, мне понравится всё.

Янь Цзысинь помолчал:

— Ты серьезно?

— Ты думаешь, я шучу?

Янь Цзысинь на мгновение задумался, затем, притворившись, что это очень сложное задание, согласился:

— Ладно, подумаешь, картинка. Я сделаю.

Ло Чэньюню не нужно было гадать, о чем думает Янь Цзысинь. Он снял с зеркала оберег, висевший в машине, и покрутил его на пальце:

— Возьму это в залог. Когда закончишь работу, тогда и верну.

Янь Цзысинь потянулся, чтобы отобрать вещь, но Ло Чэньюнь не позволил.

Посягательство на его оберег задело его сильнее, чем если бы ему сломали руку. Янь Цзысинь в ярости воскликнул:

— С чего это ты его трогаешь?

— Так дорог тебе? Ши Чжао подарил? — нарочно спросил Ло Чэньюнь.

Янь Цзысинь огрызнулся:

— Не твоё собачье дело.

— Не волнуйся, я его не испорчу, — пообещал Ло Чэньюнь, а затем холодным тоном обратился к Янь Цзысиню, который в попытке отобрать вещь буквально ввалился в его объятия: — Ещё не слез?

Янь Цзысинь поспешно отстранился.

Ло Чэньюнь небрежно сунул оберег в карман, открыл дверцу машины и, уже выходя, обернулся:

— Ах да, логин и пароль от стримингового аккаунта я тебе скинул. Когда будешь делать, не забудь включить трансляцию, иначе не приму.

Бросив последнюю фразу, Ло Чэньюнь, не обращая внимания на реакцию Янь Цзысиня, ушел.

Только когда он отошел метров на три, до Янь Цзысиня наконец дошло, и он заорал ему вслед:

— Да пошел ты!

— Тебе не нужно мое тело, тебе нужна эта дурацкая вышивка? Ты больной на голову?!

Ло Чэньюнь чуть прищурился, и на его губах заиграла улыбка.

Вернувшись домой, Ло Чэньюнь сам позвонил Цинь Паню, тому самому бывшему парню Ся Мэнцзина, которого когда-то «кинули».

— Алло? — в трубке послышался хриплый голос Цинь Паня, все такой же мягкий, как и прежде.

— Это я, — спокойно сказал Ло Чэньюнь.

Цинь Пань горько усмехнулся:

— Я знаю, что это ты. Что случилось? Что-то произошло?

— Инвестиции нужны? — Ло Чэньюнь перешел к делу. — У меня как раз есть свободные деньги.

Когда-то Янь Цзысинь, пытаясь добиться Ся Мэнцзина, купил ему квартиру рядом с университетом, предлагая съехать из общежития и жить вместе. Ся Мэнцзин не согласился, и квартира пустовала, но в документах на собственность значилось имя Ся Мэнцзина.

Сейчас у Цинь Паня был кризис: финансовая цепочка компании разорвалась, чтобы заполнить пробел, он привлек инвестора, но спустя три месяца тот его подставил. А с учетом злонамеренного вмешательства Янь Цзысиня, дело всей его жизни рушилось на глазах.

Ло Чэньюнь еще когда снимал жилье, выставил квартиру Ся Мэнцзина на продажу, и из-за цены чуть ниже рыночной ее быстро купили.

Цинь Пань был удивлен:

— Откуда ты знаешь? А-У сказал?

А-У был соседом Цинь Паня по комнате, своего рода посредником между ними, который даже после их расставания просил присматривать за Ся Мэнцзином.

— Угу, — небрежно ответил Ло Чэньюнь.

Цинь Пань посетовал:

— Вечно он болтлив.

Ло Чэньюнь прервал его:

— Не забивай голову. Мои деньги все равно лежат без дела, лучше вложу их в тебя. В тебе я уверен, тут не о чем беспокоиться.

Ло Чэньюнь задумывался о том, чтобы начать свое дело, но времени было в обрез: болезнь Ши Чжао не ждала, да и у Янь Цзысиня не было столько терпения.

Сотрудничество с Цинь Панем могло стать отличной отправной точкой.

— Спасибо, — хотя они и расстались, по тону Цинь Паня было ясно, что чувства к Ся Мэнцзину у него остались.

— Угу, скинь номер карты, как будешь готов, — сказал Ло Чэньюнь.

— Мэнцзин, — наконец спросил Цинь Пань о том, что его мучило. — Ты с ним... тебе с ним плохо?

Ло Чэнъюнь понял намек, но не хотел ввязываться в эти сложности, поэтому сразу ответил:

— Нет, что ты, мне очень хорошо.

Даже если кому-то и плохо, то точно не ему.

— Ну и хорошо, — Цинь Пань больше не стал расспрашивать.

Жаль, конечно. Если бы не вмешательство Янь Цзысиня, у Ся Мэнцзина и Цинь Паня могла бы сложиться красивая история.

Как только Ло Чэнъюнь положил трубку, на телефон пришло уведомление:

[Стример Янь ХХ, на которого вы подписаны, начал трансляцию! Скорее заходите посмотреть.]

Ло Чэнъюнь перешел по ссылке и увидел лицо Янь Цзысиня, показанное крупным планом так близко, что можно было разглядеть каждую ресничку. Жаль только, что настроение у стримера было не из лучших.

Янь Цзысинь с другого телефона зашел в свой эфир, испугался собственного лица на экране и тут же перевернул телефон экраном вниз, из-за чего трансляция стала черной.

В наступившей тишине из динамиков донеслось знакомое ругательство:

— Черт, я что, идиот?

<http://bllate.org/book/21617/2229826>